

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Лебедевой Анастасии Игоревны
на тему: «Ретардация в драме»
по специальности 5.9.3 Теория литературы**

Диссертация А. И. Лебедевой посвящена приему ретардации в драме вообще и пьесах А. Н. Островского в частности. Избранную тему следует признать актуальной. Первая глава работы призвана определить ретардацию, обозначить границы этого понятия, объяснить функции приема, классифицировать его разновидности.

Прием ретардации, как утверждается в диссертации, чаще изучался в эпической литературе, но он обильно используется и в драме. Автор предлагает различать два вида ретардаций — событийные и индексальные. Событийная ретардация — инструмент классической драмы, относящийся к уровню организации интриги и сюжета. «Хорошо сделанная» драма, примером которой в диссертации выступает, главным образом, комедия Э. Скриба, перед истинной развязкой в пятом акте, как бы сворачивает в ложную сторону, предлагает читателю новые обстоятельства и препятствия на пути протагонистов и тем самым делает развязку более неожиданной и желанной. Напротив, индексальная ретардация, представляет собой шаг в сторону от основной интриги, тормозит развитие сюжета, но зато углубляет наши представления о художественном мире, социальной среде, в которой разворачивается действие, внутреннем мире, судьбе, досуге персонажей и т. д. Эффект индексальной ретардации достигается в монологах и диалогах героев, посвященных их прошлому, событиям, не связанным с основной интригой пьесы, а также — что особенно характерно для Островского — в досужих разговорах. Индексальная ретардация приводит к коррозии единства действия, характерного для классической драмы, и сближает драму с эпосом, для которого — в силу просто отсутствия временных ограничений —

характерна большая свобода в представлении, разностороннем описании изображаемых мира, эпохи, людей.

Неслучайно поэтому теория ретардации А. И. Лебедевой связана с теорией эпического театра Б. Брехта. Согласно этой концепции, театральное действо непременно тяготеет к одной из двух разновидностей — карусели или планетария, по образной терминологии драматурга. Интерес карусели заключен в сменяющих друг друга событиях, калейдоскоп которых полностью контролируется автором. Напротив, планетарий предоставляет зрителю самому вглядываться в предлагаемую художественную вселенную и самостоятельно оценивать ее, а потому гораздо толерантнее к разнообразной дополнительной о ней информации. Само собой разумеется, что событийная ретардация намного более востребована в карусели, а индексальная — в планетарии. Таким образом, хотя это и не утверждается в диссертации прямо, история драмы может быть представлена как история движения от одного доминирующего вида ретардации к другому. Если диссертантка не имела этого в виду, прошу меня поправить.

К первой главе, на мой взгляд, серьезных претензий предъявлено быть не может, а оригинальная антитеза событийной и индексальной ретардаций обладает некоторой объяснительной силой и может быть использована другими филологами при анализе литературных текстов. Впрочем, как я рискну утверждать далее, потенциал понятия индексальной ретардации ограничен. Ведь чем больше пьеса напоминает планетарий, тем сложнее выделить в ней основную интригу, по отношению к которой очередная индексальная ретардация могла бы считаться «отступлением», «паузой». Индексальные ретардации, таким образом, не просто сигнализируют об ослаблении интереса к интриге, но и в некотором смысле сами вытесняют ее.

Вторая глава посвящена анализу ретардации у Островского. Материал выбран несколько произвольно — это большие пятиактные

комедии четвертого периода (собственно, «На всякого мудреца довольно простоты», «Бешеные деньги», «Лес»), пьесы малого жанра (картины и сцены), а также пьеса «Доходное место» (1857), рассмотренная на фоне так называемой «обличительной драматургии» второй половины 1850-х годов. Таким образом, за пределами диссертации парадоксальным образом остались пьесы, чаще всего обсуждавшиеся и осуждавшиеся критиками именно за неуместные отступления и ретардации. Так, в диссертации упоминается фигура Феклуши из «Грозы», рассказы которой о, по видимости, воображаемых странствиях следовало бы квалифицировать как индексальную ретардацию. Однако, когда мы думаем об элементах, тормозящих развитие интриги в шедевре Островского, приходит в голову не только Феклуша, но и, например, сцены ночного свидания на Волге, в которых Кудряш поет и играет на гитаре. Точно так же в диссертации упоминается и более ранняя пьеса «Бедность не порок». Утверждается, что «для развития основного сюжета пьесы “Бедность не порок” (1853) о светлой любви Мити и Любви Гордеевны не важны воспоминания промотавшегося Любима Торцова о разгульной московской жизни». Эти воспоминания, по видимости, тоже следует понимать как ретардацию. Однако самой известной «паузой» в «Бедности не порок» является, конечно, святочный вечер, изображение которого занимает большую часть второго действия пьесы. Этот фрагмент, учитывая специфику задач А. И. Лебедевой, заслуживает гораздо более пристального внимания. В самом деле, этот случай едва ли не вопиющий. В короткой трехактной комедии целый акт — центральный акт — представляет собой сюжетную паузу, которая призвана охарактеризовать мир, быт героев. Диссертантка же здесь ограничивается довольно известной цитатой из отзыва Е. Н. Эдельсона.

Раздел об «обличительной драме» подводит читателя к изящному выводу: именно использование ретардаций отличает «Доходное место» Островского от пьес современников и соперников по этому

кратковременному, но яркому театральному течению. Если В. А. Сологуб, Н. М. Львов, и А. А. Потехин используют классическую событийную ретардацию, то Островский, напротив, прибегает к более новаторской форме распределенных индексальных ретардаций, предсказывающих отчасти эпический театр XX века. Заметим, что сами границы «обличительной» драматургии А. И. Лебедевой не обсуждаются, а список, относящихся к ней пьес позаимствован в издании «Обличители. Русские пьесы о чиновниках 1850-х годов», подготовленном моим спецсеминаром при участии К. Ю. Зубкова. Полагаю, это неплохо было бы обозначить в тексте соответствующего раздела. Помещения книги в библиографический список в этом случае недостаточно, потому что она используется не в качестве источника текстов, а концептуально: историки русской драматургии спорят о том, можно ли, например, отнести к «обличительной драме» «Дело» А. В. Сухова-Кобылина и некоторые другие пьесы.

Сама по себе концепция индексальной ретардации, именно будучи применена к пьесам Островского, обнаруживает свои ограничения. Особенно это заметно в анализе «Леса». Диссертантка фиксирует индексальную ретардацию в следующих случаях: 1) в монологе Гурмыжской о воспитании Несчастливцева (с. 77), 2) в диалоге Гурмыжской и Аксюши о прошлом девушки (там же), 3) в рассказе Пети о поездке в Нижний Новгород по заданию отца (с. 78), 4) в рассказе Счастливцева о неудачной поездке домой (с. 79), 5) в рассказе Несчастливцева об отношениях с теткой и о подарках, которые он присылал ей из разных мест в ходе своих странствий (там же), 6) в монологе Улиты о запрете на любовные отношения в прошлом и о «подделывании» к барыне с целью эти запреты преодолеть (с. 80).

Таким образом, потенциально всякий монолог или разговор, не относящийся прямо к основной интриге пьесы, может быть понят как индексальная ретардация. Однако, в чем заключается основная интрига «Леса», по отношению к которой любое рассуждение будет пониматься как

задержка? Такой вопрос в диссертации не поставлен, а ведь интригу «Леса» никак нельзя свести к чему-нибудь одному, вроде вопроса о счастье Петра и Аксюши или семейному противостоянию Несчастливцева и Гурмыжской. Разве, например, вопрос об уродующих человеческую природу условиях крепостного прошлого — не существеннейший вопрос «Леса»? Разве ненадежное положение актера в пореформенном обществе — не центральная тема пьесы? Разве для «Леса» тема губительной власти старших в семье не остается столь же острой, сколь она была в более ранних вещах?

Это рассуждение явно ведет нас и к более общим вопросам. Представимо ли вообще драматургическое высказывание, в котором каждая реплика будет иметь отношение к центральной интриге, как бы мы ее ни определяли? Возможна ли пьеса, да и шире, — возможна ли вообще коммуникация — без индексальной ретардации? И если нет, не получается ли так, что существенная часть квалифицированного в качестве индексальной ретардации на самом деле не отступление, не пауза?

Скажем, когда Феклуша в «Грозе» рассказывает о поезде — «огненном змие», которого стали запрягать «для ради скорости», и о человеке с черным лицом, разбрасывающем плевелы с «высокого-превысокого» дома в Москве, она, возможно, не останавливает действие, а существенным образом уточняет характеристику самого мира Калинова и структуру воображения его идеологов, то есть те самые мир и воображение, которые прямо атакованы в пьесе. Ради этого ведь в каком-то смысле пьеса и создана?

Наконец, последнее. Работа, несмотря на ее теоретический характер, будто бы осторожно намекает на некоторую историко-литературную концепцию. Островский в ее рамках может быть понят не только как отдаленный предшественник Брехта, но и как непосредственный предшественник Чехова, открывший его базовый прием: почти полное отделение коммуникативного взаимодействия

персонажей от интриги. Разговоры у Чехова как бы сами по себе, а интрига сама по себе. Верно ли мы поняли эту мысль автора? И, если верно, как сама А. И. Лебедева могла бы оценить новизну этой идеи? Об Островском как предвестнике Чехова ведь вообще-то писали (Журавлева, Макеев, Зубков), замечу, кстати, что главным образом в связи с не затронутой в диссертации «Бедной невестой». Что нового добавляет в это знание рецензируемая диссертация?

Композиционно и стилистически работа небезупречна, встречаются повторы. Так, ключевое понятие индексальной ретардации характеризуется многократно и в очень похожих выражениях. То же касается концепции карусели и планетария. В библиографии работы бросается в глаза отсутствие новейшего исследования К. Ю. Зубкова. К его монографии можно относиться по-разному, но она, безусловно, представляет собой важнейшую веху в островковедении. Без ее учета современное исследование Островского представить трудно.

Вынесенные на защиту положения, как и основные выводы диссертации, обоснованы. В работе предложены новаторские исследовательские решения, неожиданный ракурс на классические сочинения Островского. Поэтому она полностью отвечает требованию научной новизны, предъявляемому к кандидатским диссертациям.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.3 Теория литературы (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание

ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Лебедева Анастасия Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 Теория литературы.

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры истории русской литературы
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Федотов Андрей Сергеевич

9 марта 2026 года

Контактные данные:

тел.: [REDACTED], e-mail: [REDACTED]
Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных
факультетов
МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет
Тел.: 7(495)9393277; e-mail: dekan@philol.msu.ru

Подпись сотрудника

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова» А.С. Федотова удостоверяю: